

ГОРЬКИЙ — М. А. ШОЛОХОВ

Михаил Александрович *Шолохов* (р. 1905) познакомился с Горьким в пору работы над третьей книгой романа «Тихий Дон» и первой книгой «Поднятой целины».

Первая встреча писателей состоялась в апреле 1931 г. на даче Горького в Краскове. «После этой первой встречи с Горьким я виделся часто,— вспоминал Шолохов.— Бывало, приедешь в Москву, звонишь к Крючкову, и он договаривался с Горьким о встрече <...> В это время мы с Алексеем Максимовичем очень много говорили по вопросам литературы» (беседа с М. А. Шолоховым сотрудника Архива А. М. Горького И. С. Буквина 16 мая 1955 г. Запись И. С. Буквина. АГ).

Прочитав в 1928 г. первую книгу романа «Тихий Дон» в «Октябре» (№№ 1, 2, 3, 4), Горький писал И. М. Касаткину: «Шолохов—судя по первому тому,— талантлив...» (письмо от 31 декабря 1928 г.— См. в сб.: «М. Горький. Письма о литературе». М., «Советский писатель», 1957, стр. 375).

В статье «О литературе», впервые напечатанной в «Наших достижениях», 1930, № 12, Горький писал о Шолохове как об одном из писателей-художников, сумевших дать «широкую, правдивую и талантливейшую картину гражданской войны» (т. 25, с. 253).

В 1931 г. Горький поддержал Шолохова в его требовании печатать 6-ю часть романа «Тихий Дон» без изъятий, предложенных некоторыми деятелями РАПП («Октябрь», 1929, №№ 1, 2, 3; 1932, №№ 2, 3, 4, 5, 6).

В 1932 г. Шолохов послал Горькому отдельное издание романа «Поднятая целина» (М., «Федерация», 1932) с дарственной надписью: «Дорогой Алексей Максимович! Жму вашу руку и крепко хочу, чтобы ветры не дули, чтобы ваши кости не ныли, чтобы кашель вас не одолевал, чтобы все было у вас там хорошо. М. Ш о л о х о в. 24/ХII—32» (ЛБГ).

Ниже публикуются два письма и одна телеграмма Шолохова.

1

ШОЛОХОВ — ГОРЬКОМУ

(Ст. Вешенская. 3 июня 1931 г.)

Т е л е г р а м м а

Сегодня послал старый ваш адрес¹. Привет. Ш о л о х о в

Датируется по телеграфному бланку.

¹ Возможно, Шолохов выслал Горькому главы 6-й части романа «Тихий Дон».

2

ШОЛОХОВ — ГОРЬКОМУ

Ст. Вешенская. 6 июня 1931 г.

Алексей Максимович!

На днях я послал т<елеграм>му Фадееву с просьбой передать вам первый экземпляр 6-й части «Тихого Дона»¹. Этот экз<емпляр> напечатан

лучше, и мне хотелось бы хоть этим облегчить вам возможность чтения, т(ак) к(ак) перепечатано вообще неважно и бумага разношерстная. Но тут не только моя вина: печатали мне в районе на старой-престарой машинке, а что касается бумаги, то это уже — бумажный кризис. 6-я часть почти целиком посвящена восстанию на Верхнем Дону в 1919 г. Для ознакомления с этим историческим событием пересылаю вам выдержку из книги Какурина «Как сражалась революция»² и несколько замечательных приказов Реввоенсовета.

Мих. ШОЛОХОВ

ПОДНЯТАЯ ЦЕЛИНА

РИСУНОК
С. ГЕРАСИМОВА

Дорогой Алексей
Максимович! Жму
вашу руку и крепко
хочу, чтобы ветры не дули,
чтобы ваши кости не ныли,
чтобы кашель вас не мучил.
Вот это да все там у вас
хорошо. Милоштан
24/IV-32.

ФЕДЕРАЦИИ • МОСКВА • 1932

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ М. А. ШОЛОХОВА ГОРЬКОМУ
НА ПОВЕСТИ «ПОДНЯТАЯ ЦЕЛИНА» (М., 1932):

«Дорогой Алексей Максимович! Жму вашу руку и крепко хочу, чтобы ветры не дули, чтобы ваши кости не ныли, чтобы кашель вас не одолевал, чтобы все было у вас там хорошо. М. Шолохов.
24/XII-32»

Личная библиотека Горького

Мне хочется узнать ваше мнение о 6-й ч(асти). Если вы найдете время прочитать, — очень прошу вас написать мне. В том случае, если вы сочтете необходимым поговорить со мной по поводу прочитанного, то дайте т(елеграм)му в Вешенскую³, и я с большой радостью примчусь на день в Москву. Сейчас я все езжу по Севкавказу (это — результат спора с Радеком)⁴, и заехать в Москву мне легко: «семь верст ведь доброму молодцу не круг...».

Теперь несколько замечаний о восстании:

1) Возникло оно в результате перегибов по отношению к казаку-середняку.

2) Этим обстоятельством воспользовались эмиссары Деникина, работавшие в Верхне-Донском округе и превратившие разновременные повстанческие вспышки в поголовное организованное выступление. Причем характерно то, что иногородние, бывшие до этого по сути опорой совет(ской) власти на Дону, в преобладающем большинстве дрались на стороне повстанцев, создав свои т(ак) н(азываемые) «иногородние дружины», и дрались ожесточенней, а следовательно, и лучше казаков-повстанцев.

В книге Л. С. Дегтярева «Политработа в Красной армии в военное время», в главе «Политработа среди населения прифронтовой полосы», автор пишет: «В гражданской войне, в практической политической работе, мы часто грешили против этих положений, ведя борьбу со средним крестьянством. *Примером яркой ошибки может служить политика „расказачивания“ донского казачества весной 1919 г., которая привела к поголовному восстанию многих станиц Донской области в тылу Красной армии, приведшему к поражению Южфронта и к началу длительного наступления Деникина*»⁵.

Реввоенсовет в приказе «Восстание в тылу» пишет: «Весьма возможно, что в том или другом случае казаки терпели какие-либо несправедливости от отдельных проходивших воинских частей, или от отдельных представителей советской власти...»

Но некоторые «ортодоксальные» «вожди» РАППа, читавшие 6-ю ч(ась), обвиняли меня в том, что я будто бы оправдываю восстание, приводя факты ущемления казаков Верхнего Дона. Так ли это? Не сгущая красок, я нарисовал суровую действительность, предшествовавшую восстанию; причем сознательно упустил такие факты, служившие непосредственной причиной восстания, как бессудный расстрел в Мигулинской ст(ани)це 62 казаков-стариков, или расстрелы в ст(ани)цах Казанской и Шумилинской, где количество расстрелянных казаков (6. выборные хуторские ата-маны, георгиевские кавалеры, вахмистры, почетные станичные судьи, попечители школ и проч. буржуазия и контрреволюция хуторского масштаба) в течение 6 дней достигло солидной цифры 400 с лишним человек.

Наиболее мощная экономически верхушка станицы и хутора: купцы, попы, мельники, отделялись денежной контрибуцией, а под пулю шли казаки зачастую из низов социальной прослойки. И естественно, что такая политика, проводимая некоторыми представителями сов(етской) власти, иногда даже заведомыми врагами, была истолкована как желание уничтожить не классы, а казачество.

Но я же должен был, Алексей Максимович, показать отрицательные стороны политики расказачивания и ущемления казаков-середняков, т(ак) к(ак), не давши этого, нельзя вскрыть причин восстания. А так, ни с того, ни с сего не только не восстают, но и блоха не кусает.

В 6-й ч(асти) я ввел «шелкоперов от совет(ской) власти» (парень из округа, приехавший забирать конфискованную одежду, отчасти обиженный белыми луганец, комиссар 9-й армии Малкин — подлинно существовавший и проделывавший то, о чем я рассказал устами подводчика старовера, член малкинской коллегии, тоже доподлинный тип, агитировавший за социализм столь оригинальным способом) для того, чтобы, противопоставив им Кошевого, Штокмана, Ивана Алексеевича и др., показать, что не все такие «загибщики» и что эти самые «загибщики» искажали идею советской власти.

У некоторых собратьев моих, читавших 6-ю ч(ась) и не знающих того, что описываемое мною, — исторически правдиво, сложилось заведомое предубеждение против 6-й ч(асти). Они протестуют против «художественного вымысла», некогда уже претворенного в жизнь. Причем это предубеждение, засвидетельствованное пометками на полях рукописи, носит иногда прямо-таки смехотворный характер. В главе — вступление Красной армии в х(утор) Татарский, у меня есть такая фраза:

«Всадники (красноармейцы), безобразно подпрыгивая, затряслись на драгунских седлах». Против этой фразы стоит черта, которая так и вопит: «Кто?!.. Красноармейцы безобразно подпрыгивали? Да разве же можно так о красноармейцах?!.. Да, ведь это же контрреволюция!..»

Тот, кто начертал сей возмущенный знак, уж наверное не знает, что кр^{асноармей}цы, не кавалеристы, но бывшие в кавалерии, ездили в те времена отвратительно: спины-то у лошадей были побиты очень часто. Да и как можно ехать в драгунском седле, не подпрыгивая, «не улягая», ведь это же не казачье, не с высокими луками и подушкой. И по сравнению с казачьей посадкой, каждый, даже прилично сидящий в драгунском седле, сидит плохо. Почему расчеркнувшийся товарищ возмутился и столь ретиво высказал мне свою революционность с 3 «р», — мне непонятно.

Шолохов

34 г.

Сентябрь

М. А. ШОЛОХОВ

Фотография с надписью Горького на обороте: «Шолохов 34 г. Сентябрь»

Архив Горького, Москва

Важно не то, что плохо ездили, а то, что плохо ездившие победили тех, кто отменно хорошо ездил. Ну, это пустяки и частности. Непременным условием печатания мне ставят изъятие ряда мест, наиболее дорогих мне (лирические куски и еще кое-что). Занятно то, что десять человек предлагают выбросить десять разных мест. И если всех слушать, то $3\frac{1}{4}$ нужно выбросить...

Думается мне, Алексей Максимович, что вопрос об отношении к среднему крестьянству еще долго будет стоять и перед нами, и перед коммунистами тех стран, какие пойдут дорогой нашей революции. Прошлогодняя история с коллективизацией и перегибами⁶, в какой-то мере аналогичными перегибам 1919 г., подтверждает это. Вот своевременно ли писать об этих вещах? У вас неизмеримо шире кругозор, и мне хотелось бы получить от вас ответ на все эти вопросы.

Буду с большим нетерпением ждать от вас письмо или т^{елеграм}му. Изболелся я за эти $1\frac{1}{2}$ года за свою работу и рад буду крайне всякому

вашему слову, разрешающему для меня этот проклятый вопрос. В апреле я уехал от вас из Краскова с большой зарядкой бодрости и желания работать. Спасибо вам, дорогой Алексей Максимович, за ваше теплое и внимательное отношение ко мне. Крепко жму руку и крепко желаю вам здоровья!

М. Шолохов

Конец 6-й ч(асти) досылаю.

¹ Рукопись 6-й части «Тихого Дона» была передана Фадеевым Горькому. «Горький прочитал ее с интересом, — вспоминал Шолохов, — дело в том, что книгу читали люди из РАППа и говорили, что книжка не может идти без сокращений <...> Когда я приехал к Горькому, то Алексей Максимович сказал мне: „Книга написана хорошо и пойдет она без всяких сокращений“» (беседа с И. С. Буквиным).

² Н. Какурин. Как сражалась революция, т. II, 1919—1920. Под ред. Р. П. Эйдемана. М.—Л., Госиздат, 1926. Выдержка, приложенная к письму, не сохранилась.

³ Телеграмма Горького Шолохову не сохранилась.

⁴ «Радек обвинял меня, — сообщил Шолохов в беседе с И. С. Буквиным, — в политической неграмотности, в незнании русского мужика, и вообще деревни. Тогда я часто ездил по делам коллективизации в Северо-Кавказский край».

⁵ Л. С. Дегтярев. Политработа в Красной армии в военное время. М.—Л., Госиздат, 1930, стр. 104—105.

⁶ Речь идет о нарушении принципа добровольности в колхозном строительстве, когда разъяснительная работа среди крестьян нередко подменялась грубым администрированием и насилием в отношении середняка.

14 марта 1930 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О борьбе с искривлениями партийной в колхозном движении».

3

ШОЛОХОВ — ГОРЬКОМУ

<Ст. Вешенская. 4 марта 1934 г.>

Дорогой Алексей Максимович!

Посылаю статью вам на просмотр ¹. Если сочтете нужным исправить, исправьте. Но только, пожалуйста, не давайте резать ее оргкомитетчикам. Они так искромсают, что от статьи останутся «рожки да ножки».

Очень прошу вас, напишите ваше мнение. То ли я написал, что нужно, и не перехватил ли через край, ругая Панферова? Смотрел последние №№ «Лит. газеты». Что-то там — ни звука на ваше письмо Серафимовичу ². Неужто не будут отвечать? ³ Хотя по существу и отвечать-то им нечего.

Желаю здоровья, крепко жму руку.

М. Шолохов

4/III — 34.

Адрес мой — ст. Вешенская, Азово-Черноморский край.

¹ Машинописный экземпляр статьи «За честную работу писателя и критика» (АГ. Правки Горького в тексте статьи нет). Статья написана в связи с дискуссией о романе Ф. Панферова «Бруски». Напечатана в «Лит. газете», 1934, № 33, от 18 марта вместе со статьей Горького «О языке».

² Максим Горький. Открытое письмо А. С. Серафимовичу. — «Лит. газета», 1934, № 17, от 14 февраля (см. т. 27).

³ См. А. С. Серафимович. Ответ А. М. Горькому. — «Лит. газета», 1934, № 25, от 1 марта.